

Цзян Цань опубликовал пост в микроблоге и тут же забыл о нём, продолжив возиться с уже кипящей кашей.

У него не было влиятельного покровителя, ему нечего было бояться и нечего скрывать, поэтому держался он с необычайной уверенностью.

Вращаться в шоу-бизнесе по-настоящему он ещё не успел, но за свою жизнь повидал и понаслышку знал о сотнях мелких знаменитостей, продавших свои души дьяволам.

Смутно припоминалось, как в былые времена какой-то богатый сынок выбирал себе в фавориты исключительно самых популярных молодых актёров и всякий раз выводил их в свет на посиделки и банкеты.

Все они были писаными красавцами, но каждый носил на лице фальшивую маску, а в каждом их движении сквозило что-то от изнеженных, роскошных домашних питомцев.

Каша побулькивала, развариваясь до мягкой, густой и вязкой консистенции, на самом дне кастрюли образовался толстый слой, источавший странный, но манящий аромат с ноткой подгорелого.

Влага постепенно испарялась, помешивать становилось всё труднее, а смесь бобов и риса превратилась в такую густую массу, что на ложке оставался увесистый ком.

Цзян Цань с некоторым трудом справился с помешиванием, выбросил из головы всякие посторонние мысли, перелил кашу в термос и, поймав машину, отправился в больницу.

Небо стояло сумрачное, то ли из-за близкого дождя, то ли по какой другой причине, но воздух стоял влажный и душный.

Выбравшись из такси, Цзян Цань почувствовал себя так, будто с разбегу нырнул в клубы горячего, спертого воздуха.

Ночная больница по-прежнему жила шумной, суетливой жизнью.

У кассы для оплаты счетов выстроилась длинная очередь; малыш, устроившийся на руках у родителей, разинул рот и заливался горьким плачем. Цзян Цань не выносил подобных зрелищ, поэтому обошел стороной просторный холл, миновал врачей и медсестёр, кативших перед собой каталки с больными у лифтов, и направился наверх по лестнице.

Ступени были невысокими, за один шаг он преодолевал по три-четыре, и в мгновение ока добрался до второго этажа.

Цзян Цань поднимался так быстро, что звуковой датчик света на лестничной площадке среагировал только тогда, когда он уже промчался мимо.

По привычке прижимаясь к перилам и шагая в сплошной темноте, на очередном повороте он налетел на кого-то, притаившегося на лестничной клетке.

Этот кто-то сжался темным комком, похожим на огромный шар для боулинга.

Вообще-то Цзян Цань легко мог бы увернуться, но незнакомец говорил по телефону, и до слуха случайно донеслись слова: «актер», «кастинг».

Эти понятия были до боли знакомы, так что Цзян Цань на секунду потерял бдительность и невольно прислушался.

И ровно в эту долю секунды, пока он отвлекся, столкновение стало неизбежным.

Чтобы бедняга не впечатался со всего маху в стену, Цзян Цаню пришлось резко отпрянуть в сторону, а чтобы не стукнуть о стену прихваченный с собой термос, он не мог подстраховаться рукой.

В мгновение ока он шлепнулся прямо на стену.

Лицом о штукатурку — бац! — звук раздался такой громкий, что лампы над головой мгновенно вспыхнули ярким светом.

А в носу защипало так, что хоть плачь.

Цзян Цань зажмурился от боли, из глаз брызнули слезы, а сидевший рядом мужчина тоже испуганно подскочил:

— Дружище, ты как, цел?

Цзян Цань закрыл лицо руками:

— В-всё в порядке.

Вот позор-то.

Будь этот человек из их круга, считай, он только что запечатлел на камеру самые постыдные страницы своей биографии.

Мерцая слезами на ресницах, Цзян Цань бросил на незнакомца косой взгляд — хм, незнаком.

После чего, отчаянно цепляясь за остатки звездного имиджа, круто развернулся и вихрем понесся вверх по лестнице.

А этажом ниже Сюй Линъюнь всё ещё висел на телефоне.

Мужской голос в трубке испуганно заголосил:

— Что это было? Что за шум только что? Режиссер Сюй, вы там с кем-то подрались? Или это кинозвезда Нин вас поколотила?

Все знали, что Сюй Линъюнь подкаблучник, и он выскользнул позвонить лишь потому, что Нин Мэн наконец уснула. Только что он закончил обсуждать дела со съемочной группой и как раз набрал своего кастинг-директора.

Сюй Линъюнь бормотал:

— Нет, но... кажется, кто-то подрался со стеной.

Всё произошло слишком быстро, честно говоря, он и сам толком не успел сообразить, что к чему.

Кастинг-директор тоже не уловил сути и вернулся к прежней теме:

— Но не слишком ли рано искать главного героя для следующего фильма? Вы ведь этот ещё не закончили.

Слово «не закончили» было еще мягко сказано — у Сюй Линъюня и половина съемок текущей картины позади не была. Судя по его обычным темпам, если отбросить подготовительный период, на один сценарий у него уходило не меньше трех месяцев.

Сюй Линъюнь возразил:

— Не рано, главного героя для четвертой картины найти непросто, можно потихоньку присматриваться, чтобы потом сразу запустить съемки без перерыва.

В этом году он планировал снять два фильма, быстренько отстреляться и всё закончить, чтобы освободившееся время посвятить жене и ребенку.

Сюй Линъюнь развернулся и топнул ногой, заставляя погасшую лампу зажечься вновь:

— Все те требования, что я тебе назвал, прогони по списку еще раз. Неважно, новичок или нет, главное — найти кого-нибудь до того, как я закончу этот проект...

Конец фразы резко оборвался. Почесав в затылке, режиссер остолбенел.

Сюй Линъюнь отчетливо видел, что на стене, куда только что врезался тот парень, красовалась порядочная такая выбоина, с которой осыпалась белая крошка.

Палата Пэй Юймо располагалась в самом конце коридора на верхнем этаже, Пэй Сань неизменно восседал на стуле у двери, источая ауру «не подходи — убью».

Ночь сгущалась, лампы в коридоре зажигались одна за другой. Цзян Цань шмыгнул носом и вихрем промчался мимо. Когда он поравнялся с Пэй Санем, справа из-за перил выглянул Пэй Сы:

— Цзян Цань!

Пристроившись снаружи, словно летучая мышь, он окликнул его:

— Ты меня видел, когда поднимался? Я хорошо спрятался?

Не сбавляя шагу и не оборачиваясь, Цзян Цань бросил на ходу:

— Бросание предметов с высоты запрещено! — и толкнул дверь палаты.

Приготовленный им с тремя долями обиды, четырьмя долями социальной смерти и пятью долями глубокой страсти призыв застрял в горле:

— Юймо, я опоздал... а вы кто?

Пэй Юймо полулежал на кровати, его ноутбук мерцал синеватым светом, а на соседней пустой больничной койке сидел незнакомый мужчина в таком же больничном халате, но с весьма привлекательной внешностью.

Цзян Цань просто не верил своим глазам: старый знакомый еще не ушел, а тут уже новый!

И ведь до чего хорош собой!

В палате воцарилась тишина.

Будто нарушив царившую здесь идиллию,

взгляд гостя скользнул по детскому личику Цзян Цаня, изображавшему обиду на грани оскала. Пэй Юймо на секунду замер над клавиатурой и бесстрастно произнес:

— Линь Цзян, мой друг.

Линь Цзян мягко улыбнулся:

— Привет.

Тучи мрачных предчувствий рассеялись в один миг. Цзян Цань тут же оттаял:

— Привет, привет!

Пэй Юймо впервые знакомил его со своими друзьями.

Прямо как Белоснежка, представляющая принцу семерых гномов, — неужели в этом жесте скрывался какой-то глубокий подтекст?

Рассуждая так, Цзян Цань, подойдя ближе, невольно задержал на Линь Цзяне взгляд.

Если Пэй Юймо производил впечатление холодного и безжалостного мрачного мафиози, то Линь Цзян казался надменным гениальным отличником. Но помимо этой неприступности от него веяло какой-то пугающей пустотой и ледяным равнодушием.

В отличие от открытой, зловещей и мрачной ауры Пэй Юймо, Линь Цзян походил на изысканную куклу в человеческом обличье, в глазах которой угадывалось лишь нечто безжизненное и мёртвое.

...Неужели это та самая русалочка старшая сестра Пэй Юймо?

Цзян Цань отвинтил крышку термоса. От густого бобового супа исходило тепло. Наливая кашу в пиалу, он думал о том, не пришел ли Линь Цзян проводить инспекцию?

Вроде как будущая теща оценивает зятя: если обидишь нашу принцессу, вонжу кинжал ведьмы тебе в грудь!

Невольно содрогнувшись от этой мысли, Цзян Цань предложил:

— Юймо, я сварил невероятно вкусную кашу. Линь Цзян, ты будешь?

Линь Цзян покачал головой:

— Спасибо, я уже поужинал.

Глядя на протянутую ему пиалу с бобовой кашей, Пэй Юймо на мгновение замер, инстинктивно желая отказаться.

Он вообще-то не особо жаждал каши.

А уж увидев, что похлебка получилась угольно-черной и донельзя странной, расхотелось и вовсе.

Но прежде чем возразить, взгляд Пэй Юймо упал на пальцы Цзян Цаня, аккуратно державшие край пиалы.

Белые пальцы заметно покраснели, а если приглядеться, на них вздулись маленькие волдыри от ожогов.

Цзян Цань позвал:

— Юймо?

Пэй Юймо взял пиалу:

— Спасибо, ты намаялся.

Цзян Цань изначально планировал кормить Пэй Юймо с ложечки — ложка ему, ложка мне, этакий взаимный обмен заботой, — но из-за присутствия постороннего пришлось молча подпереть щеку рукой и просто наблюдать, как Пэй Юймо ест.

Ел Пэй Юймо очень красиво.

Больничная одежда шилась по стандартным меркам, а поскольку он был худощав, балахон висел на нем мешком, и стоило ему поднять руку, как обнажались тонкие запястья.

Изящные, словно выточенные из цельного куска жирного бараньего нефрита.

Рис, купленный Цзян Цанем, был черным, но каша при варке отливала странноватым синевато-зеленым оттенком. Если бы он сам от начала и до конца не дежурил у плиты, то и сам бы заподозрил, что какой-нибудь злодей-картошка подсыпал туда яду.

И тем не менее, этот странный цвет на бледных губах Пэй Юймо смотрелся так, словно тот накрасился помадой какого-то лимитированного оттенка, придавая происходящему изысканную эстетику.

Под таким пристальным взглядом Пэй Юймо едва не подавился.

Он тихо кашлянул и активировал экран лежавшего под рукой телефона.

Там всплыло уведомление: «Ваш любимый автор опубликовал новый пост».

Не успел он вникнуть в суть, как Цзян Цань снова подался вперед, моргая ресницами:

— Юймо, невкусно?

Пэй Юймо:

— ...

Вообще-то Пэй Юймо уже поужинал. Сделав пару ложек, он чисто механически...

Не успев толком сообразить, почему это он продолжает хлебать кашу и почему взгляд его неотрывно прикован к покрасневшим пальцам Цзян Цаня, уцепившимся за край кровати, он опустошил всю большую пиалу до дна, ощущая, как по телу разливается разлитое невесть откуда тепло.

Глядя на абсолютно чистое дно пиалы, Цзян Цань расплылся в улыбке:

— Раз тебе нравится, завтра я снова сварю.

Пэй Юймо:

— В этом нет никакой необходимости.

Линь Цзян вскоре ушел.

В конце концов, Пэй Юймо позвал его исключительно для того, чтобы обсудить пару рабочих проектов.

Впрочем, даже присутствуя здесь, Линь Цзян почти ничего не говорил — лишь смотрел на них отрешенным взглядом с чуть ностальгической, едва заметной улыбкой.

Может, он тоже отведал фирменного немого зелья от ведьмы?

Цзян Цань осторожно поинтересовался:

— Та русалочка...

Пэй Юймо откликнулся:

— Мм?

— Линь Цзян тоже русалочка?

Опершись подбородком о край кровати Пэй Юймо, Цзян Цань понизил голос, словно не зная, стоит ли продолжать:

— Он потерял своего принца?

Пэй Юймо опешил, поднимая на него глаза:

— Что?

У Цзян Цаня не хватало слов, и лишь спустя пару секунд он подобрал сравнение:

— Он выглядит таким грустным... Словно дьявол украл свет из его глаз.

Пэй Юймо поразила пронизательность Цзян Цаня.

У Линь Цзяна действительно был любимый человек.

Любимый с самого детства, человек, с которым они с таким трудом сошлись.

Но несколько лет назад его партнер заболел раком и сгорел очень быстро.

Пэй Юймо видел их пару раз: тот парень улыбался так лучезарно, что его глаза излучали тепло маленького солнца.

Он отлично помнил: в начале этого года Линь Цзяну исполнилось двадцать два года, а в момент смерти его возлюбленного он еще даже не достиг возраста, разрешенного для брака.

Вспомнив, как осунулся Линь Цзян в те дни, и то отчаянное состояние живого мертвеца после потери близкого, Пэй Юймо помрачнел, на мгновение испытал глубокое сочувствие.

Но он вовсе не собирался выбалтывать тайны своего друга Цзян Цаню.

А Цзян Цань уже и сам легко сменил тему, с горечью воскликнув:

— Если ты умрешь, я буду тосковать по тебе еще сильнее, чем он!

Уголок рта Пэй Юймо дернулся:

— ...

Ему следовало сказать спасибо?

Стоило его взгляду вновь опуститься на пустую пиалу из-под каши, как Цзян Цань неожиданно выпалил:

— Уже ночь, Юймо, я люблю тебя.

Ах, опять за свое.

Пэй Юймо уже прекрасно изучил манеру Цзян Цаня выражать свои чувства.

Он скривил губы, собираясь отмахнуться дежурной фразой и поскорее замять этот неловкий момент, как вдруг его запястье перехватили.

Словно боясь, что его любовь сочтут недостаточно искренней, Цзян Цань продолжил:

— Правда люблю, честно. Я буду защищать тебя и дарить тебе много-много-много-много любви.

Повторенное столько раз слово «много» звучало с детской наивной серьезностью —

поверхностной, но донельзя искренней.

Пэй Юймо невольно посмотрел на него.

Он знал, что у Цзян Цаня ясные, чистые глаза, похожие на осенний пруд.

Но вокруг его светлых зрачков вился узор из тончайших линий, точно отражение сияющей галактики на водной глади.

Пэй Юймо опустил веки, избегая смотреть на него, и сдержанно поджал губы, на мгновение растеряв дар речи.

Глуповатая белая крошка налетела прямо на морду дикого волка, и эта внезапная мягкость оказалась куда сильнее любых клинков и мечей.

То ли потому, что каша отдавали невероятным, согревающим теплом, то ли потому, что его болезнь еще не отступила...

Пэй Юймо на секунду замер, поймав себя на диком мимолетном желании, чтобы парень говорил чистую правду.

И в этот самый момент раздалось: тук-тук-тук! —

Курьер в желтой жилетке распахнул дверь, разрушая всю липкую, неопределенную атмосферу двусмысленности:

— Здравствуйте, это палата «Цань-Цань очень хочет есть»? Ваш заказ доставлен.

Цзян Цань подскочил на месте:

— Я, я! Это мое ассорти из раков!

Пэй Юймо:

— ...

Каша в горле, казалось, только-только проглоченная, и едва зародившееся трепетное чувство рассыпались в прах в одно мгновение.

<http://bllate.org/book/21476/2197587>